

Русофобия

Мне не нравится, когда любовь к Родине принимает форму шовинизма и воинствующего национал-патриотизма, когда под видом национального самосознания, поисков исконных корней проповедуют расистские взгляды. Иногда это происходит неосознанно, но душок всё равно остаётся неприятный.

Как-то на моём вечере, посвящённом Заболоцкому, один слушатель захотел дополнить лекцию и стал говорить о "чисто русских корнях" поэта. Говорил долго, акцентируя, что Заболоцкий именно русский, что корни у него "не немецкие, не татарские, не еврейские, а именно русские!" Хотя я уже сказала перед этим, что родился он в Вятской губернии, и этим, по-моему, всё сказано. А что, если бы корни у него были немецкие, как частично у Цветаевой и Блока, или татарские, как у Ахматовой, или монгольские, как у Державина, или еврейские, как у Фета, или прости господи, африканские, как у "нашего всего" – они от этого были бы менее русскими? Разве это что-то меняет в нашем отношении к поэту и его поэзии? Он русский, потому что родился в России, потому что говорит и думает по-русски, этого достаточно.

Другой слушатель написал мне в тетрадь отзыв такой сомнительный комплимент: *"Наталья Кравченко, судя по фамилии и внешности, украинка, этим и объясняется необыкновенная прелесть её вечеров."* Ну неужели же только этим?

Этот слушатель позже мне позвонил. Представился: независимый журналист Александр Зазыбин. Сказал, что хочет взять у меня интервью, написать статью о моём творчестве. Говорил о нём много тёплых, хороших слов. Потом разговор зашёл о лекциях, я посоветовала на то, что газеты практически не дают на них объявлений.

– Какие газеты? – поинтересовался журналист. Я стала перечислять, загибая пальцы:

– "Саратовские вести", "Саратов СП", "КП в Саратове", "Саратовский Арбат", "Богатей"...

– Позвольте, – недоумённо перебил меня Зазыбин. – Почему не дают? Ведь это же нерусские газеты.

Теперь уже настала моя очередь недоумевать. Что значит – нерусские? Редакторы евреи? Направленность не такая, как у "Завтра"? И что, если "русские газеты" ("Земское обозрение", "Саратовская панорама") не дают объявлений на мои вечера, то в таком случае это, значит, в порядке вещей?

Оказывается, мой собеседник именно так и думал. Он считал, что я принадлежу к тому, "нерусскому", враждебному лагерю. И делал исключение для меня лишь в силу моей недалёковидности и неопытности, видя в моём лице невинную, запутавшуюся жертву мирового сионизма. Но это уже потом до меня дошло. А поначалу я ничего не понимала.

– Вы просто не располагаете всей информацией... Не представляете всей опасности... У Вас это не от глубины идёт, – мягко оправдывал меня в своих

глазах журналист.

- Да что идёт?! Что Вы имеете в виду?
- У меня телефон прослушивается. Я бы не хотел...
- Вот и пусть слушают! В чём дело-то?

Но я уже стала догадываться. На столе лежал последний номер "Земского обозрения" ("Туземское обозрение", как называют её "нерусские" газеты) с дежурной статьёй на излюбленную тему. Стиль впечатлял: "Когтистые, в кучерявой шерсти алчные лапы творцов всемирной паутины тянутся к самому сердцу Родины..." И вот эти длинные "когтистые лапы" дотянулись и до моего сердца. И своротили его с пути праведного.

– А Вы знаете, что у Вас в Саратове репутация русофоба? – огорошил меня Зазыбин.

Впрочем, не совсем огорошил. Однажды я уже слышала эту реплику из уст С. Иванова – директора православной гимназии, автора многих песен на мои стихи. Как-то он хотел пригласить на мою лекцию кого-то из знакомых, но тот отказался идти из-за того, что мои лекции "заражены русофобией." Тогда я только посмеялась над этой чушью. Но теперь мне было уже не до смеха. Я медленно закипала.

- Кто же так считает?
- Ну, в кругах, близких к писательским.
- Надеюсь, Вы возразили?
- Но... Основания, надо сказать, для этого есть.

– Что-о?! – Я чуть не упала со стула. – Русофобия – это ненависть к России. Где у меня это, хоть в одной лекции, хоть в одной строчке? Где?

- "Не даёт ответа." Допытываюсь, кто же распространяет эти гнусные слухи.
- Я бы не хотел называть имён...

Понятно. Опять "шкоды под кодом." Удивляет необычайная застенчивость этих русолюбов. Если уж вы считаете, что я такая, что такой вред России наношу своей деятельностью, так покажитесь, откройте личико, назовите себя. Скажите открыто, докажите, что это так. Что ж вы по кустам-то прячетесь? Как-то это не по-русски.

Видимо, "руссофобией" эти господа называют мои выступления – устные и письменные – против антисемитизма. Я даже одну лекцию посвятила этой больной проблеме Саратова. И писала об этом в книге "Звезда или хлеб?" (весь тираж в 300 экземпляров разошёлся, не осталось ни одной книжки), в главах "Призрак шовинизма", "Пасынки России", "Человек мира." Р. Арбитман в рецензии на неё писал тогда: "Её сборник публицистики, подозреваю, вызовет гневное разлитие желчи у тех граждан, кто любит родину по-макашовски." И действительно вызвал. И до сих пор этой жёлчью они исходят. Это не у меня русофобия, это у них ксенофобия. Но объяснять что-либо нашим национал-патриотам бесполезно, я это еще на той лекции поняла. У них антисемитизм в крови. Это что-то атомарное, биологическое, точнее, зоологическое. Говорить с

ними на эту тему бессмысленно. Логика не действует. Стена. Пропась.

А началась вся эта история ещё с выхода моего второго сборника "В логове души" в 1994 году, по адресу которого поэт-патриот И. Малохаткин разразился яростной филиппикой в местной газете. Его праведный гнев вызвали мои "непатриотичные" строки, а именно:

Тупая, кровавая родина,
Вовек мы тебя не отмоем.
Обобранны, преданы, проданы,
В твоих околеем помоях.

Я уже не раз отвечала по этому поводу, не буду повторяться. Хочу лишь привести слова Философова: *"Россия не потому больна, что мы мало её любим, а потому, что мало ненавидим её болезнь."* Патриотизм не в том, чтобы славить, а чтобы болеть душой за то, что происходит в стране.

Когда мы научимся понимать разницу между патриотизмом истинным и мнимым, между фразой и делом, между гордостью и спесью?

Особенное негодование Малохаткина тогда вызвали мои строки об Израиле:

Я тобою ранена, я больна тобою.
Русь моя, окраина, небо голубое!
Всю тебя изграбили, но, и обвиняя,
На луну Израиля я не променяю.

И хотя я здесь, кажется, ясно выразилась, что не променяю, Малохаткин позволил себе усомниться в моих намереньях и уверял в статье, что обмен не произошёл лишь по причине малости луны Израиля, а вот на большую американскую луну состоялся бы наверняка. На что я могла бы ответить, как Высоцкий: *"Не волнуйтесь, я не уехал. И не надейтесь – я не уеду!"*

Дело давнее, мною уже подзабытое. Но, оказывается, мне этого – "в кругах, близких к писательским" – забыть никак не могут. Пеняют, что нет у меня "стихов, восхваляющих родину." Подсчитывают, сколько лекций я провела о поэтах еврейского происхождения. Им кажется, что непростительно много. И в самом деле: О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Ходасевич, С. Парнок, И. Елагин, И. Бродский, А. Галич, Н. Коржавин, А. Кушнер, Л. Миллер... Просто сионистка какая-то.

А вот мои слушатели иного мнения. И пишут мне в тетради отзывы совсем иные слова:

"Спасибо за преданность поэзии, за просветительство, за любовь к слову. Лев Горелик".

"Волишебный мир жизни русского духа, русской поэзии, любви, романтики Вы открыли нам в этот зимний морозный вечер. Проф. СГУ В.А. Седавкина, Н.А. Соболева, доцент СГТУ Н.М. Ярцева."

"Для Саратова – это явление культуры с большой буквы. Я.Л. Погорелов."

"В наше смутное, меркантильное время получить такой большой глоток духовной пищи – большое счастье. Спасибо, Наташа. И. Духовникова."

"Спасибо за память о поэтах, за благородство воспоминания. С уважением Г.Г. Широкова."

"Большое спасибо за цикл "Забытые имена". Открываете нам не только новые имена, но и подарили нам струны сердца золотые. М.А. Квардина, Т.С. Петрянина."

"Безмерная благодарность за беззаветное служение высокому искусству – поэзии. Н.С. Войцеховская, педагог."

"Сидел и думал: не всё ещё перевернулось в мире, и потребность сеять разумное, доброе, вечное не чужда в нашей России до сих пор. Огромное спасибо за возможность приобщиться к Великому. Валериан Морозов."

"Милая Наталия Максимовна! Большое спасибо Вам за Ваши беседы. Они согревают наши души, наполняют оптимизмом. Спасибо за труд писателя-поэта, одухотворённого, глубокого. Ветеран педагогического труда А.В. Ратьковская."

"Оазис редкостной духовности и душевности! Вот что такое для нас Ваши замечательные вечера. Спасибо за Вашу гражданскую человеческую душу, за тот нездешний свет, что несёте жаждущим и страждущим. Н.К. Думова."

И что, все эти идущие из глубины сердца слова, моя радость и гордость, моё оправдание на том свете – всё это может быть написано русофобу, ненавидящему свою страну, злостному врагу народа, каким меня стремятся выставить "круги, близкие к писательским"? Какой же патриотизм они хотят противопоставить моему?..

Недавно бросили нам в почтовый ящик бесплатную газету "За народовластие"(накануне выборов). Там на самом видном месте нахожу стихотворение Н. Куракина под названием "Русский вопрос". Цитирую первые строки:

Теснятся словеса и слоги.
Я потакать им не берусь,
Пока поэтикой дороги
Мне душу возвышает Русь.

В ней всё и вся соединилось,
В ней боль моя и жизнь моя,
И Богом даденная милость
С неоспоримостью жнивья.

Ну, и так далее, как говорил Хлебников. Стихи, чего уж там, оставляют желать много лучшего. Но дело не в них. В заметке, сопровождавшей сей опус, много восторженных слов было сказано во славу "патриотических убеждений" автора, которых "невозможно скрыть": *"патриотизм так и хлещет, бьёт живой струёй из прекрасных гражданских стихотворений Н. Куракина"*, – пишет И.

Бакалова. Такая вот "живая струя" Пегаса.

Достала последний сборник поэта-гражданина Куракина. Открыла: "Люды мой русский! Стонущий, страждущий..." – с фальшивым псевдонекрасовским пафосом витийствует автор. Закрыла. Открыла книжку стихов М. Муллина: "О бедный мой запутанный народ!" – кликушествует и этот. И здесь та же "струя." Помнится, Гумилёв говаривал Ахматовой: "Аня, удуши меня, если я когда-нибудь начну пасти народы." А эти – пасут, и ничего.

Мирные стада патриотов преобразуются в стаи хищных хорьков, когда им померещится что-то нерусское. Они бдят. Их не проведёшь. Они раскусят любую "задумку хитрецов". Например, чего удумали, подлые: "Всех нороят с экранов и трибун нас называть по имени... с фамилией." То есть без отчества. А зачем, думаете, им это надо? "Внедрившие" сию "задумку", оказывается, "о шкурной пользе ведали – придумали...желая скрыть отцов, которые Россию трижды предали." "Не отрекусь от батюшки Семёна!" – надрывно вопиет поэт. Я внимательно рассмотрела обложку, авантитул. Отчества "Семёнович" нигде не обнаружила. "Михаил Муллин." И точка. Что ж он нам голову морочит? Почему не величает себя по батюшке, как от нас требует?

Мне отчество вошло не в графы – в гены.
С его забвеньем малость подождём!

Да ради бога! На здоровье. Кому нужно его отчество? Кто на него покушается?
Где этот вражина?

Я не байстрюк и не сураз презренный –
В законном браке от отца рождён. –

гордо заявляет Муллин о своём законном происхождении. Это чванство мне отвратительно. Неужели же это повод для гордости? Вот в новейших исследованиях (В.А. Захаров. "Загадка последней дуэли", Москва, "Русская панорама", 2000) на основе архивных материалов утверждается, что Лермонтов на самом деле сын кучера из их имения. То есть, по изысканному выражению Муллина, байстрюк. Так же как и Жуковский, и Фет, "неполноценность" которого усугубляется тем, что истинный его отец – еврей. Так что ж теперь, Муллин имеет неоспоримое преимущество перед ними? Если б жил в то время – поди и руки бы им, "презренным", не подал.

"Я сын отца, а не полка." И это тоже не его заслуга. "Не попугай мне песни пел, а Сирин." Какой ещё Сирин? Петух какой-нибудь. "Меж лип, а не маслин." Маслины-то чем виноваты, господи. Чем они хуже лип? Как и попугай ни в чём не повинный. (Который, кстати, "петь песни" не умеет). Или это намёк на ту вражью местность, где они обитают?

Я знаю тех, кто над анкетой бьются,
Чтоб их отцов не угадал народ.

А вот это уже конкретнее. По поводу анкет. Неужели Муллину неизвестно,

почему русские евреи вынуждены были ломать головы над анкетами? Кто их к этому вынуждал? Да потому что, как пел Высоцкий, "за графу не пускали пятую". Не пускали в любимый ВУЗ, на творческую работу. Не важно – насколько ты умён, талантлив, трудолюбив, профессионален. Это кадровиков не интересовало. Пресловутый пятый пункт в паспорте был приговором, позорным клеймом. Вот и выбирай – гордиться отчеством "Самуилович" и быть отовсюду отторгнутым, как шелудивый пёс, или переделать его на русское "Семёнович" и этим открыть себе двери к образованию и работе.

Вспоминаются строки Инны Лиснянской – тоже об отце, между прочим:

Мой отец – военный врач,
Грудь изранена.
Но играй ему, скрипач,
Плач Израиля!
...Бредит он вторую ночь
Печью газовой.
– Не пишись еврейкой, дочь, –
– мне наказывал.

Что, и в неё Муллин бросит свой камень?

В нынешнее время, когда идеология уже не играет первую скрипку, и больше стали цениться деловые качества, необходимость в "корректировке" анкет отпала. Но антисемитизм – ирреальное чувство, сродни звериному инстинкту и классовому чутью, он не поддаётся контролю разума. Особенно процветают эти настроения в нашем Союзе писателей. Несколько примеров.

Заходит туда молодой поэт. Хочет вступить в Союз. Один из наиболее рьяных блюстителей чистоты расы – думаю, все там хорошо знают его фамилию – интересуется его происхождением.

– Я полукровка, – чистосердечно отвечает тот.

– Много вас тут таких ходит!

Не верите? Я тоже не поверила, когда мне это рассказали. А вот второй эпизод. Принимают в Союз поэта. Талантливого, что тут редкость. Но... Всё тот же "русский вопрос".

– Что мы тут жидов всяких принимаем! – раздаётся голос одного из чистокровных. Глава писательского союза мягко пожурил скандалиста.

– Мы тут обсуждаем стихи, а не национальность, – сделал он ему замечание. А что, национальность в принципе можно обсуждать?

Писатель-сказочник Михаил Каришнев-Лубоцкий был вынужден в своё время вступить в Союз российских писателей Москвы, так как в местном Союзе кой-кому не понравился его профиль. Тогда он, кстати, был просто Лубоцким, что было с его стороны крайне неосмотрительно. Вскоре после этого он вспомнил о более русской фамилии своего деда и стал Каришневым-Лубоцким. Ну да что ж после драки кулаками-то махать. Впрочем, думаю, и

полурусская фамилия дела бы не спасла. (Как в том анекдоте: бьют не по паспорту.) Когда по радио была о нём передача, Макеева задала "бестактный" вопрос, почему он не был принят в нашем Союзе. Лубоцкий смущенно пробормотал: "Жизнь полна анекдотов." Скверных анекдотов, как сказал бы Достоевский. При случае я спросила его – почему не сказал правды? И тут же осеклась – какая правда, боже мой, кто бы её пропустил по нашему радио! Вспомнились строки Бориса Чичибабина: "Всё погромней, всё пещерней, время крови, время черни..."

Однажды на мой вечер в библиотеке, посвященный Чичибабину, пришёл Муллин. На чей-то вопрос потом – ну как? – ответил уклончиво: "Не во всём согласен." Тогда я не обратила на его слова внимания, а сейчас, по прочтении его книги, мне стало ясно, с чем он не согласен. ("Концептуально не согласен", – как выразился Куракин в отношении стихов Кековой.) Не таких стихов ожидал Муллин от Чичибабина, вроде бы русского по всем статьям, ох, не таких!

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
Не водись я с грустью, золотой и горькой,
Не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
Не войди я навек частью безымянной
В русские трясины, в пажити и реки,
Я б хотел быть сыном матери-еврейки.

Такие откровения повергали в ярость чиновников от литературы. А Чичибабин, словно дразня их, писал:

Солнцу ли тучей затмиться, добрея,
Ветру ли дунуть –
Кем бы мы были, когда б не евреи –
Страшно подумать.

Чичибабин яростно ненавидел антисемитов. Эта тема звучит во многих его лирических стихах, адресованных жене Лиле Карась, которая была еврейкой.

Ты древней расы, я из рода россов,
И хоть не мы историю творим,
Стыжусь себя перед лицом твоим.
Не спорь. Молчи. Не задавай вопросов.
Мне стыд и боль раскраивают рот,
Когда я вспомню всё, чем мой народ
Обидел твой...

Чичибабин пытается спасти честь народа русского. Его поэзия неотделима от совести, чувства вины. Это давняя традиция русской культуры: всегда быть на стороне обиженных, униженных, тех, кого травят, кому плохо. "Все поэты – жида", – пишет Цветаева. "Кто в наши дни мечтатель и философ – тот иудей", –

вторит ей Чичибабин.

Я самый иудейский меж вами иудей.
Мне только бы по-детски молиться за людей.

Для Чичибабина национализм – ругательное слово. Он не может быть спокоен, пока этот позор России лежит пятном на ней. Он любит Родину, но прежде всего служит совести, как родине нравственной. Вот стихотворение, написанное им в 69-ом, а как актуально!

Бесмыслен русский национализм,
Но крепко вяжет кровью человечьей.
Неужто мало трупов и увечий,
Что этим делом снова занялись?

Ты слышишь вопль напыщенно-зловещий?
Пророк-погромщик, осиянно-лыс,
Орёт в статьях, как будто бы на вече,
И тучами сподвижники нашлись.

"Всех бед – кричат – виновники евреи,
Народа нет корыстней и хитрее –
Доколь терпеть иванову горбу?.."

Муллин, по-видимому, один из таких "сподвижников." Читаю его стихотворение "Покупка счастья" – о том, как мужик "просит, требует и блажит: – Дайте счастья на тридцать сребренников!" – (Иуда, что ли?) – Не дают. "Но один продавец, крючконосый и обаятельный, всех встречающий по уму... – (это пояснение для тупых, до кого не дошла подсказка с "крючконосым") – отмеряет – по сумме, тщательно – до вершка... верёвки ему." Вот оказывается кто виноват в народных нищете и несчастье. Крючконосые. У кого ума индо шибко много. Ату их!

Это вот такие "сподвижники" подписывали петиции в защиту Соснина, зовущего "Русь к топору" против евреев, слава богу, благополучно осуждённого, наконец. Это о таких писал Чичибабин:

От крови и от слез я слышу и не внемлю:
Их столько пролилось в отеческую землю,
Что с душ не ототрёт уже ни рай, ни ад их –
А нищий патриот всё ищет виноватых.
Вишь, умник да еврей – губители России,
И алчут их кровей погромные витии.

Любопытно, что когда Муллин дал это своё погромное стихотворение для публикации в "Саратове литературном", то даже там, в СП(!) сочли, что

"крючконосый" – это уж слишком, и исправили на "развесёлый". Чем повергли автора в неопишную досаду. Ведь в этом-то "крючконосом" – вся соль! Ради этого, можно сказать, всё стихотворение написано.

Но зато уж в другом стихе, "Перо", посвящённом "Вечному жиду", Муллин взял реванш. Оттянулся, что называется, по полной программе.

В прагматизме всё давно старо...

Как-то на беду

Подарили вечное перо

Вечному жиду, –

который и пишет с тех пор "вечное враньё. "

Той же гнусной злобой обуян,

Псевдонимы лишь меняет, хам:

То он Ярославский Емельян,

То он Терц Абрам.

Читал ли Муллин Абрама Терца, которого по-хамски позволяет называть себе хамом? То бишь крупнейшего русского литературоведа Андрея Синявского, избравшего для зарубежных публикаций провокативный псевдоним Абрам Терц? Хотя бы его изумительные "Прогулки с Пушкиным"? Или ненавистная фамилия Терц ему этого не позволила сделать?

Читаю другое стихотворение, "Русская печь", где автор поёт хвалу русской печи, что его взрастила и вскормила, и тем блюдам, которые в ней готовились.

Я потом в Метрополе бывал,

Но таких уже блюд не едал.

Ну что ж, дело, как говорится, вкуса. Кто любит арбуз, а кто – свиной хрящик. Но к чему такой пафос?

Отчего никакая халва

Заменить мне лапши не смогла?

А если я люблю, например, больше халву, так что, я уже русофоб? Станный, однако, критерий патриотизма, который измеряется лапшой. Уж не той ли, что вешается нам на уши вот такими стихами? Кстати, наша российская лапша мало чем отличается от итальянского спагетти. Так что не очень удачный примерчик своего патриотизма подобрал здесь поэт. Взял бы какую-нибудь редьку с луком, что ли.

Почему эскалоп и лангет

Не заменят мне сельский обед?

Эскалоп, да будет известно Муллину, это всего лишь ломти нежирной свинины, баранины или телятины, а лангет – всего лишь блюдо из вырезки, а

вовсе не какие-нибудь еврейские фамилии. И почему они не могут заменить сельский обед привередливому поэту, мне непонятно. А, вот почему, оказывается:

Потому что из снежных полей,
Из далекой деревни своей
(метрлотель уж кричи – не кричи)
В Метрополь я въезжал на печи!

Ну что ж, это давняя русская традиция, Дунька тоже в Европу езживала. Кстати, я всегда эту сказку не любила. Мечта иждивенца: на чужом горбу, как на чудо-печи, в рай въехать. И оттого, что печь эта – русская, иждивенец для меня не станет симпатичней.

"Соловей бетонной хаты и агностик", как именует себя Муллин, прежде всего – страстный патриот своей Родины. "Русскость – как роскошь для меня", – пишет он. А для меня это естественное состояние, как воздух, которым дышу. Я не могу жить без этого воздуха, задохнусь без него, но мне не приходит в голову им гордиться или рядиться в него, как в роскошные одежды. Не помню, кто это сказал: "Гордиться тем, что родился русским – всё равно что гордиться тем, что родился во вторник. "

Я из чаши восторгов испил,
Испытав русофильскую негу. . .
– пишет Муллин.

И сказал мне восторженный враль,
Сладострастно смыкающий веки: –
Здесь причалил воздушный корабль –
И остался в России навеки!

Ну прямо полный оргазм. Слова-то какие: "сладострастно", "нега", "восторги"... Вот только как ни взбадривай своё патриотическое либидо виагрой подобных строчек – у читателя ответного оргазма это не вызывает. Другим местом он Россию любит в отличие от "сладострастных вралей."

Как актуально звучит сейчас предостережение Чичибабина, обращённое некогда к Солженицину:

Лишь об одном тебя молю в пылу, боюсь, что запоздалом:
Не поддавайся русохвалам, на лесть гораздым во хмелю!

Подлинное чувство никогда не кричит о себе, оно довольствуется сутью. И в заключение – несколько поэтических цитат в качестве красной тряпки для быка квасного патриотизма:

Прости мне, родная страна,
За то, что ты так ненавистна.
Олег Чухонцев

Моя Родина, ты гадина,
И стоишь на подлецах.
Леонид Губанов

Как ненавистна, как немудрена
Моя отчизна – проза Щедрина.
Борис Чичибабин

В этих строках больше любви к Родине и боли за неё, чем в
сладоэротических стогах иных русофилов и ксенофобов.